

УДК 94(47+57)''1917/1991''

ББК 63.3(2)6

DOI 10.22394/1682-2358-2020-2-4-10

V.N. Danilov, Doctor of Sciences (History), Head of the National History and Historiography Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

POWER AND SOCIETY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Features of interaction and mutual influence of power and society in the Great Patriotic War are considered. The author shows how the process of strengthening the centralization of power has made it possible to ensure effective management of the country in emergency conditions. It is noted that the core of the power system in 1941–1945 remained the apparatus and organization of the Communist Party. At the same time, the centralization of power was combined with the self-mobilization of society, the driving force and basis of which was the people's belief in the victory over the aggressor.

Key words and word-combinations: Great Patriotic War, power system, society, centralization, self-mobilization.

*В.Н. Данилов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(email: danilovvik@yandex.ru)*

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Рассматриваются особенности взаимодействия власти и общества в Великой Отечественной войне. Исследуются методы усиления централизации власти, способствовавшие обеспечению эффективного управления страной в чрезвычайных условиях. Отмечается, что стержнем властной системы в 1941–1945 гг. оставался партийно-государственный аппарат, но вместе с тем самоорганизация общества стала главной движущей силой в победе народа над агрессором.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, система власти, общество, централизация, самоорганизация.

Масштабы и глубина последствий в международном, внутривластном, социально-экономическом, демографическом и идеологическом отношениях позволяют относить Великую Отечественную войну

1941—1945 гг. к числу ключевых событий в истории нашей страны. Понятно, что за прошедшие 75 лет со времени окончания войны одни из результатов победы СССР над объединенном блоком агрессивных сил так или иначе нивелированы, другие — исчерпаны, третьи, как международные, подвергнуты эрозии, прежде всего потому что страна потеряла статус сверхдержавы. Вместе с тем, по общему признанию, выросло значение последствий, относящихся к сфере общественного сознания. Мы видим, что память о Великой Отечественной войне в современной России является важнейшей опорной точкой конструирования национальной идентичности и исторической преемственности. Но ситуация последних месяцев в мире и в России парадоксальным образом наводит нас, если не на прямые, то на весьма близкие к этому параллели с военным временем в плане функционирования институтов власти и общества, высвечивает некоторые полезные в практическом смысле стороны опыта тех лет.

Сам по себе период Великой Отечественной войны был в высшей степени экстремальным в нашей истории, поскольку речь шла не просто о возможной потере территории, независимости, потере государственности, но и под вопросом было само существование государствообразующего этноса — русского народа и многих других народов Советского Союза. В этих условиях государство и общество должны были соответственно реагировать на жестокий вызов времени, если они рассчитывали на свою перспективу. Такой адекватной реакцией со стороны государства стало введение предельно централизованного механизма управления, а со стороны общества — добровольная самообилизация. При всех издержках, о которых неустанно напоминают с конца 1980-х годов «разоблачители», отношения общества (народа) к власти базировались на понимании и доверии, фокусируясь в значительной мере на фигуре И.В. Сталина. «В трудные дни 1941 г., — писал А. Верт, находившийся всю войну в СССР в качестве корреспондента английской газеты “Санди тайм”, — он не только прямо провозгласил, что народ сражается в этой войне за Россию и за свои национальные традиции, пробудив тем самым в советских людях чувство национальной гордости и чувство задетого национального самолюбия, но сумел добиться того, что его признали национальным вождем» [1, с. 27].

Собственно, централизация власти в СССР была достигнута еще до войны и выражалась, если обозначать это в понятиях современного обществоведения, в отсутствии фактического разделения властей, сколько-либо значимых сфер жизни общества, не контролируемых государством, а также в построении жесткой вертикали единой системы партийно-государственного управления. Однако тогда еще существовали рудименты формальной демократии — как в ВКП(б) (съезды, конференции, пленумы ЦК, выборность коллективных органов руководства), так и в советской системе (сессии Советов всех уровней, выборы в них и т.д.). Пирамида власти еще не имела жестко закрепленной вершины, поскольку полномочия фактического главы страны, Сталина, не были абсолютными, несмотря на сформировавшийся так называемый «культ личности» и диктаторство. Для оформления какого-то важного политического вопроса требовалось коллегиальное решение Политбюро или секретариата ЦК ВКП(б),

путем личного голосования на заседании или личного письменного визирования членов этих органов. Существовали структуры власти, явно значимые в условиях приближающейся войны, которые Сталин формально не возглавлял, как, например, Комитет обороны — совещательный орган при СНК СССР. Да и главой советского правительства он, как известно, стал лишь 6 мая 1941 г.

В полном масштабе централизация власти происходит только с началом войны. Оформлению предельной централизации властной системы способствовали следующие меры, предпринятые летом 1941 г.: создание Государственного комитета обороны; назначение Сталина его председателем, затем Наркомом обороны, председателем Ставки Верховного Главнокомандования и, наконец, самим Верховным Главнокомандующим. Тем самым произошло безоговорочное сосредоточение в одних руках рычагов партийной, государственной и военной власти; устранение по факту рудиментов демократии на высшем уровне: Пленумов ЦК ВКП(б) не проводилось, члены Политбюро на заседания в прежнем формате уже не собирались, а сессий Верховного Совета СССР за всю войну было два — для принятия нового Гимна СССР и законодательного оформления решения о расширении прав союзных республик, чтобы обеспечить членство Украинской и Белорусской ССР в ООН.

Важнейшее значение в дальнейшей централизации власти имело инкорпорирование в ее систему Государственного комитета обороны (ГКО). Он, как мы сейчас знаем, был создан 30 июня 1941 г. по инициативе ближайшего окружения Сталина и под влиянием стремительно ухудшавшейся обстановки на фронте. Тот факт, что в ГКО вошли лица, которые ранее являлись членами или кандидатами в члены Политбюро (за редким исключением — Жданов, Хрущев, Андреев, Калинин), может создать впечатление о дублировании этих двух структур власти. Но создание ГКО, во-первых, лигитимизировало сложившуюся систему власти, подвело под нее необходимую правовую основу и повысило моральный авторитет, что было важно в условиях тотальной войны; во-вторых, увеличило мобилизационные возможности центральной власти через чрезвычайность постановлений ГКО, которые имели силу государственных законов военного времени; в-третьих, вводило систему персональной ответственности членов ГКО за ту или иную сферу мобилизационной работы; в-четвертых, давало возможность делегирования воли центра, минуя обычную структуру управления, через систему уполномоченных; в-пятых, позволило отбросить как таковую бюрократическую систему заседаний (с протоколами, повестками и т.п.) коллегиального по форме органа. Важнейшие решения обсуждались, согласовывались и резюмировались на совещаниях у Сталина в разном составе. Г.К. Жуков вспоминал в связи с этим, что он не понимал, куда он пришел в тот или иной раз в кабинет Сталина — на заседание ГКО, Политбюро, Ставки. «Везде, — говорил он, — дирижировал Сталин, и он потом указывал, через какой орган оформить то или иное решение» [2, с. 97]. Власть Сталина действительно стала абсолютной, пирамида получила законченный вид, а аппараты ЦК ВКП(б), Верховного Совета, СНК СССР стали техническими рабочими структурами ГКО. Управленческая пирамида опиралась на низовые структуры, безоговорочно принимавшие импульсы сверху,

добиваясь их результативности. Стержнем же властной системы оставались структуры и конкретные члены Коммунистической партии. Пронизывая все поры общества, сверху и донизу, партийные организации позволяли центру добиваться немислимой оперативности в решении любых экономических и политических вопросов, не теряя при этом контроля над их выполнением. В рядах самой партии была введена по сути военная дисциплина, каждое решение воспринималось как боевой приказ.

В то же время в системных звеньях власти произошла внутренняя перестройка по функциям, формам и методам работы, которая обеспечила ее гибкость. В данном случае мы видим, что наряду с крайне жестким административным принуждением использовались формы массовой агитационной работы и не так уж редко — методы материального стимулирования. Денежное поощрение существовало даже в армии. При этом в централизованной системе допускалось следующее: 1) фланговое деление звеньев в виде временных чрезвычайных органов (комитеты обороны, комиссии для определенных целей, политотделы); 2) хотя и в несколько урезанном виде, но все же регулярность работы местных представительных органов — всю войну в тылу проводились сессии областных, городских, районных Советов депутатов трудящихся, представлявших по тому времени остатки формальной демократии.

В целом выстроенную в годы войны систему власти и управления можно считать в тех конкретно-исторических условиях, хотя и не идеальной, а таковой вообще никогда не бывает, но единственно возможной, и она показала свою эффективность, о чем, собственно, и свидетельствует достижение победы над агрессором путем тотальной социальной мобилизации. Действенность советской системы централизованного управления в 1941—1945 гг. особенно наглядно видна при сравнении с работой государственного аппарата России в период Первой мировой войны. Режим власти того времени при возникновении чрезвычайных обстоятельств также вроде бы имел немалые возможности для результативных действий, поскольку практически не находился под контролем парламента (Госдума в России делала только первые шаги). Политическая воля одного лица (в данном случае монарха) способствовала оперативному, маневренному и ответственному решению всех вопросов, связанных с ведением боевых действий и обеспечения армии всем необходимым для этого, без оглядки на различные ветви властных структур, могущих затормозить проведение тех или иных мероприятий в области военной политики.

Действительно, царское правительство попыталось воспользоваться имевшимися у него преимуществами. Используя карт-бланш Государственной думы на ведение войны, Николай II ввел в стране чрезвычайное положение на время боевых действий: рабочий день на заводах и фабриках увеличился до 12—15 часов, вводилась военная дисциплина, запрещались забастовки, широко практиковались сверхурочные и авральные работы. Действия централизованного аппарата, работающего в авторитарном режиме, казалось бы обречены на успех, но его не последовало. В ходе военной кампании 1915 г. войска германского блока захватили Галицию, Польшу, часть Прибалтики и Белоруссии, эвакуировать предприятия оттуда не удалось. Тыловые службы

оказались бессильны регулировать проблему беженцев, численность которых достигала нескольких миллионов человек, и полностью взять под контроль рынок частных поставщиков военной и хозяйственной продукции фронта. Положение осложнилось и тем, что аппарат властных государственных структур оказался бессильным остановить рост забастовочного движения. В какой-то мере правительству удалось установить частичный контроль над рыночной стихией и подавить экономический саботаж либеральных дельцов с помощью военно-промышленных комитетов, улучшивших снабжение фронта в 1916 г. и частично приостановивших случаи спекуляции и явного казнокрадства в военно-промышленной сфере, но полностью проблему решить не удалось.

Еще сложнее обстояли дела в области пропаганды. Политические структуры государственной власти оказались попросту бессильны против идеологических диверсий средств массовой информации, которые вели разнузданную кампанию против своего правительства, обливали грязью императорский двор, личную жизнь царской семьи, распространяли слухи о предательстве «немки-царицы» и т.п. Даром для России эта пропаганда не прошла: она закономерно привела к февралю 1917 г. и Временному правительству, которое, разрушив административно-хозяйственный аппарат тыла России и не создав ничего нового, оригинального, полностью развалило экономику страны с помощью «демократических» методов руководства. Опыт 1917 г. наглядно показал, что ничто так не подрывает авторитет власти как бездействие. В 1941—1945 гг. власть неустанно действовала в четко обозначенном стратегическом направлении, хотя и совершала при этом порой серьезные ошибки, увеличивая тем самым на будущее число своих политических противников (депортации народов, гуманизм по отношению к военным преступникам в Прибалтике и на Западной Украине).

Главной составляющей результативной работы централизованной системы власти в период Великой Отечественной войны было установление единства фронта и тыла в экономическом и морально-политическом отношении, что особенно зависело от управленческого механизма. В частности, перелом в вооруженной борьбе стал возможным во многом благодаря росту производства оружия промышленностью, находившейся под централизованным управлением. В СССР за период Великой Отечественной войны было произведено больше, чем в Германии за годы Второй мировой войны, стрелкового оружия в 1,55 раза, орудий и минометов — в 1,3 раза, танков и самоходных орудий — в 2,1 раза, боевых самолетов — в 1,24 раза [3, с. 478]. Одним из самых грандиозных по масштабам и срокам мероприятий, осуществление которого невозможно было без спянного по всем звеньям государственного управления, явилась эвакуация населения, производств и материальных ресурсов из западных районов на восток страны. Компартия сумела обеспечить наиболее эффективную и всеобъемлющую систему пропаганды. Благодаря организованности, сосредоточению в своих руках всех рычагов идеологического воздействия, ВКП(б) мобилизовала на борьбу с врагом все наличные резервы пропаганды и агитации, включая возможности художественной интеллигенции, и даже подтянув к этому церковь. Важно было

то, что, используя эти средства, власть сумела выразить интересы и чувства широчайших слоев народа, донести до миллионов людей близкие им идеи.

Но этого результата, как представляется, не было бы без наличия иного фактора — добровольной самообмобилизации общества. Само понятие «добровольная общественная самообмобилизация» в отечественной исторической литературе стало использоваться не так давно. По всей видимости, его введение имеет двойной источник: общую психологию как научную дисциплину, где под самообмобилизацией понимается проявление внутренней воли организма, и политологию, в которой термин используется для обозначения независимых действий гражданского общества от государства в западных политических системах.

Применительно к периоду Великой Отечественной войны под добровольной самообмобилизацией общества, как правило, понимаются различного рода общественные инициативы или, как говорили, почины. Однако данный феномен был присущ всем сферам общества в годы войны, и самообмобилизация выполняла две функции: обеспечивала выживание народа в сложнейших условиях его существования и содействовала государственному механизму в достижении главной цели — разгрому армии агрессора.

Проявления добровольной самообмобилизации:

— самоотверженность на фронте, борьба с оккупантами за линией фронта и жертвенный труд в тылу;

— самостоятельное решение проблем своего жизнеобеспечения (огороды горожан, личные подсобные хозяйства крестьян-колхозников, кустарное производство);

— людская солидарность, которая особенно ярко проявилась по отношению к беженцам, сиротам, семьям фронтовиков, немощным и т.д.;

— добровольчество на фронт, в ряды народного ополчения, на промышленные предприятия;

— сбор средств в фонд обороны, помощи госпиталям, движение рационализаторов и изобретателей, черкассовское движение;

— разного рода производственные почины: движения «двухсотников», молодежных фронтовых бригад, по совмещению профессий и многое другое.

Эти и другие народные инициативы, как правило, становились объектом внимания со стороны власти, которая видела в них дополнительный мобилизационный ресурс, стремилась придать им организованные формы и тем самым направить в общее русло борьбы с врагом. Было и наоборот, когда различного рода мероприятия, инициированные властью и крайне необходимые в условиях войны, получали искреннюю общественную поддержку и в дальнейшем осуществлялись на основе самоорганизации населения. Осознание необходимости самообмобилизации базировалось у большинства народа на убежденности в справедливости войны и веры в конечную победу, в свои силы и несокрушимость советского государства. Уже в первые часы войны, грянувшей для народа, как гром среди ясного неба, от имени партии и правительства народу было сказано: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Уверенность в победе была крайне важна в дни тяжелых поражений, когда гитлеровцы захватили жизненные центры, ключевые пун-

кты страны, вплотную подошли к столице. Истоки этой веры многогранны. А.Н. Толстой в декабре 1942 г. писал: «С первых же дней войны мы живем и воюем в уверенности, что Гитлер, несмотря на свои первоначальные успехи, проиграет войну и русскую и мировую, проиграет катастрофически, с ужасающим шумом и позором. Такая уверенность не была у нас голым оптимизмом, но подкреплялась многим. Наша уверенность подкреплялась ясным ощущением бессмертия русского народа, сознанием непоборимой силы братского союза советских республик. Она подкреплялась тем, что история дала нам вождя с умом проницательным и дальновидным, с непоколебимой волей к победе. И тем еще, что в борьбе против пещерных агрессоров мы не останемся одиноки: гуманитарная цивилизация пустила глубокие и мощные корни, фашизму не истребить их ни коварством, ни огнем и мечом» [4].

Можно по-разному относиться к советской системе, к сталинскому режиму, с его жестокостями по отношению к инакомыслящим, недовольным. Не отрицая негативных явлений сталинского периода, есть все основания утверждать, что за предвоенные 10–12 лет советская держава достигла невиданных высот в своем социально-экономическом развитии. Она вырастила новое предвоенное поколение, воспитала его в духе революционного романтизма, интернационализма, коллективизма, советского патриотизма. На воспитание нового поколения были брошены все силы правящей партии, государства, общественных организаций, литературы, кино, театра. Все они били в одну точку: формировали новый советский образ жизни, составной частью которого был девиз «Один за всех, все за одного», защита Отечества — священный долг каждого. Душа выросшего в советскую эпоху нового поколения особенно ярко отражена в предсмертных письмах борцов против немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг., опубликованных в книге «Говорят погибшие герои», которая вышла уже во многих изданиях. Это поколение стало стеновым хребтом фронта и тыла. Оно почти на 2/3 погибло в войне. Тем самым был подорван потенциал искренних и деятельных сторонников социализма. То же можно сказать и относительно ВКП(б), которая потеряла более половины своих довоенных членов.

Опыт истории показывает, что достичь успеха в масштабных вооруженных конфликтах можно лишь в том случае, если в стране сильное политическое руководство, если есть единство всех политических сил, если в полном порядке организационно-управленческая сфера. Но, кроме того, требуется еще, чтобы социальные институты общества и народ внутренне были устремлены к единой цели и демонстрировали это на деле. Именно объединение указанных двух факторов решающим образом способствовало достижению победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Библиографический список

1. *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 / пер. с англ. М., 1967.
2. *Жуков Г.К.* Из неопубликованных воспоминаний // Коммунист. 1988. № 14.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1: Основные события войны. М., 2011.
4. *Толстой А.* Вера в победу // Красная звезда. 1942. 8 дек.